

Н. В. Слободян

Политика «мягкой силы» России в странах Персидского залива в начале XXI в.: исторический аспект

N. V. Slobodian

Russia's Policy of «Soft Power» in the Persian Gulf States at the Beginning of XXI Century: Historical Aspects

Показана историческая ретроспектива документального определения российских национальных интересов в экономической, энергетической и политической сферах при взаимодействии с государствами Персидского залива. Проанализированы и выделены основные исторические этапы становления российской политики «мягкой дипломатии» в регионе Персидского залива. Рассмотрены основные внешнеполитические инструменты продвижения и реализации национальных интересов России в регионе Залива. Выделены и проанализированы ключевые элементы политики «мягкой силы» Советского Союза в данном регионе, а также освещены основные политические инструменты расширения и укрепления присутствия России в Персидском заливе с использованием образовательной дипломатии, культурного обмена, публичной дипломатии, взаимовыгодного экономического сотрудничества и инвестирования, а также прочих компонентов политики «мягкой силы». Изучен мировой опыт и предложены для российских реалий определенные методы с использованием «мягкой силы» в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом.

Ключевые слова: национальные интересы, внешнеполитическая стратегия, безопасность государства, терроризм и экстремизм, государства Персидского залива, образовательная дипломатия, публичная дипломатия, инвестиционные проекты, экономическое сотрудничество, культурная экспансия.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-18

В силу сочетания политико-экономических, стратегических и культурных факторов государства Персидского залива находятся в приоритетном ряду внешнеполитических интересов России. Необходимо подчеркнуть, что геополитическая ценность данного региона в системе национальных интересов России имеет давнюю традицию: в период «холодной войны» страны региона выступали своего рода платформой политического противостояния СССР и США. Согласно идеологической логике, государства Залива разделились на две геополитические группы, одна из которых принадлежала к сфере влияния

The historical retrospective of the documentary definition of Russian national interests in the economic, energy and political fields in the interaction with the Persian Gulf States are shown in the article. The major historical stages of formation of the Russian «soft diplomacy» policy in the Persian Gulf region have been analyzed and identified in the article. The main foreign policy tools to promote and realize Russian national interests in the Persian Gulf region have been considered. Major elements of the Soviet Union's «soft power» policy in the region of the Persian Gulf have been identified, as well as principal methods of expanding and strengthening Russian presence in the Gulf such as educational diplomacy, cultural exchange, public diplomacy, economic cooperation, investment project and other components of «soft power» policy. The world experience has been examined to work out some recommendations for Russia's using «soft power» policy methods in combating international terrorism and extremism.

Key words: national interests, foreign policy, terrorism and extremism, the Gulf States, education diplomacy, public diplomacy, investment projects, economic cooperation, cultural expansion.

Вашингтона (Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Иран), а другая — «зачислена в клуб интересов Москвы» (Ирак и Йемен). Указанная классификация носила относительный и неустойчивый характер, ее конфигурация менялась в зависимости от общего состояния баланса сил между мировыми сверхдержавами, а также от конкретных внешнеполитических акций каждого из полюсов силы мирового лидерства.

Сегодня российские идеологи и теоретики внешней политики, стараясь преодолеть архаичный стереотип советских времен, «поддерживать и развивать отношения необходимо с идеологически близкими го-

сударствами», сфокусированы на прагматичном подходе, целью которого выступает расширение круга стратегически важных государств Персидского залива для продвижения и реализации национальных интересов России в данном регионе. Определение российских внешнеполитических и экономических приоритетов в Персидском заливе необходимо рассматривать с учетом кардинальных исторических перемен произошедших на протяжении последнего десятилетия в планетарном масштабе. Сегодня Москва постепенно укрепляет свой экономический потенциал, возобновляя и углубляя, а в отдельных случаях и расширяя сферу национальных интересов российской державы в Персидском заливе. Закономерным выглядит стремление Кремля, кроме реализации заданий эффективного налаживания политического диалога и прагматичного расширения экономического сотрудничества, также диверсифицировать разноплановые направления культурного сотрудничества на международном уровне в условиях глобализации коммуникативного пространства. Геополитическая логика требует активной вовлеченности Москвы в этот стратегически важный регион, так как абсолютное доминирование одного центра силы, в первую очередь США, автоматически повлечет розбалансирующее влияние на страны СНГ, имеющие общие границы с государствами Персидского залива, а при подобном стечении обстоятельств важно отметить, что страны СНГ принадлежат к жизненно важным интересам РФ и любое обострение ситуации на территории СНГ несет прямую угрозу национальным интересам России и ее безопасности.

Анализируя ключевые элементы внешнеполитической стратегии Российской Федерации в странах Персидского залива, необходимо более подробно остановиться на эволюции данных компонентов, которые сегодня принято ассоциировать с понятием «мягкой силы». В частности, понятие «мягкая сила» введено в научный оборот американскими учеными и определяется как процесс, с помощью которого субъект действия распространяет свою власть и влияние на других субъектов без принуждения и давления, в основу данного понятия заложен принцип привлекательности субъекта действия [1].

Возвращаясь к советскому внешнеполитическому «наследству», доставшемуся России, отметим, что документально-законодательной фиксации концепции «мягкой силы» в международной практике СССР не было, хотя активное использование элементов «мягкой силы» присуще периоду «брежневской эпохи» развитого социализма. В отличие от современных подходов в реализации внешнеполитической стратегии, когда главной задачей выступает защита национальных интересов, основными целями советской дипломатии было получение идеологических дивидендов.

Таким образом, все составляющие инструментов международного сотрудничества мощной политической системы СССР напряженно работали, ориентируясь, главным образом, на идеологическую составляющую внешней деятельности. В частности, международные образовательные программы, межгосударственные обмены специалистами, предоставление широкой гуманитарной помощи и деятельность в культурной сфере пропагандистского содержания рассматривались советским руководством преимущественно как инструменты идеологического противостояния в рамках «холодной войны». Необходимо подчеркнуть, что данные инструменты как полноценные и равноценные составляющие внешней деятельности советского государства не рассматривались, поскольку политическое руководство страны Советов отдавало приоритет политике «жесткой силы». Несмотря на это, политическая элита Советского Союза понимала ценность и по достоинству оценивала значения внешнеполитических элементов, которые мы сегодня относим к составляющим «мягкой силы». Именно так сегодня можно объяснить жесткие меры ограничения свободного выезда граждан СССР за рубеж и запрет трансляции зарубежных радиостанций на территории Союза, а также воспрепятствование доступа на советский рынок продукции стран капиталистического лагеря.

Разрушительный для внешней политики внутриэкономический кризис России в 90-е гг. прошлого века объясняет провальную внешнеполитическую деятельность и быструю потерю Кремлем позиций на международной арене в конце XX в. Политика «мягкой силы» Российской Федерации в настоящее время находится на этапе концептуального формирования и документального закрепления. Большинство российских политологов справедливо оценивают первый период президентства В. Путина (2000–2008 гг.) как «экономический прорыв», на фоне которого президент сумел остановить разрушительные сепаратистские государственные тенденции и объединил страну, стабилизировал отношения в обществе и «громко» заявил о национальных интересах и приоритетах России в определенных регионах планеты [2; 3]. В указанный период В. Путин и его реформаторская команда концептуально закрепили основные направления российской внешней политики на законодательном уровне.

Итак, в документе «Обзор внешней политики Российской Федерации» (2007 г.) впервые в новейшей истории России представлены основополагающие элементы международной деятельности, которые можно трактовать как компоненты политики «мягкой силы» с целью достижения внешних преимуществ в стратегически важных регионах. Среди ключевых внешнеполитических задач Кремля, реализация которых возможна посредством использования элементов «мягкой силы», относятся следующие: защита прав

человека; поддержка и отстаивание интересов соотечественников, проживающих за рубежом; расширение партнерских контактов в культурной и образовательной сферах международного сотрудничества, а также создание разветвленной сети региональных представительств российских СМИ за рубежом [4].

В обращении к Федеральному Собранию в 2009 г. Президент РФ Д. Медведев акцентировал внимание на стремлении России в своей внешней стратегии регулярно использовать элементы «мягкой силы» как особого стиля российского политического руководства, при этом подчеркнул возможность быстрого трансформирования «мягкой силы» в кризисных ситуациях в «жесткую» [5]. Также в своем обращении президент отметил, что любой вектор внешней политики России и ее инструменты должны носить прежде всего прагматичный характер, а в современных международных условиях это означает активное продвижение национальных интересов на мировой арене преимущественно на постсоветском пространстве и в исключительно стратегически важных регионах. Красноречивым свидетельством серьезных намерений и готовности Кремля сочетать компоненты «мягкой силы» с элементами «жесткой» выступает демонстративное переоснащение кораблей Черноморского флота России, показательно отражая стремление вернуть былое влияние на мировой арене.

Впервые документальное нормативно-правовое закрепление инструментов «мягкой силы» во внешней политике России сделано Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». В частности, в документе четко сформулированы цели относительно реализации национальных интересов российского государства в полицентричной системе координат международных отношений:

1) расширить культурное присутствие России за рубежом, неуклонно укрепляя позиции русского языка в мире и постепенно, развивая сеть российских центров науки и культуры;

2) в интересах повышения результативности российской внешней политики эффективнее использовать ресурс публичной дипломатии, вовлекать гражданское общество во внешнеполитический процесс, укреплять взаимодействие с Общественной палатой Российской Федерации, некоммерческой организацией «Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова», другими неправительственными организациями внешнеполитической направленности, содействовать их широкому участию в деятельности мировых экспертно-политологических диалоговых форумов, в международном гуманитарном сотрудничестве;

3) совершенствовать информационное сопровождение внешнеполитической деятельности в интере-

сах объективного позитивного восприятия Российской Федерации на международной арене [6].

К основным компонентам «мягкой силы» относятся следующие составляющие: усиление роли публичной дипломатии, культурная экспансия, расширение торгово-экономических связей, а также результативное продвижение российских национальных интересов с успешным информационным сопровождением. Впервые реализация элементов политики «мягкой силы» Россией в ближневосточном регионе воплощена на практике международных взаимоотношений в июне 2012 г. в ходе официального визита российского президента в Иорданию. В частности, 26 июня 2012 г. В. Путин официально открыл так называемый дом приема путников для российских паломников, построенный на территории особого религиозно-археологического заповедника «Место Крещения Иисуса Христа на реке Иордан». Как справедливо отметил А. Корнилов, эксперт Центра стратегических исследований России, дом приема путников имеет многофункциональное значение для внешней политики России: во-первых, отечественные паломники будут нести русскую культуру в арабский мир; во-вторых, произойдет оживление туристического сотрудничества между Россией и Иорданией; в-третьих, получит дополнительный толчок развитие научно-образовательных связей обоих государств [7].

В наследство с советских времен Россия получила богатый опыт обучения зарубежных студентов. Стоит отметить, что именно Советский Союз долгое время удачно использовал высшее образование в качестве «идеологического оружия», в условиях блокового противостояния и «холодной войны» еще задолго до введения в политический лексикон самого понятия «мягкая сила». Однако после распада СССР доля российского государства на международном рынке образовательных услуг резко снизилась, составив в 2004 г. 3% от общего количества иностранных студентов, а в 2007 г., достигнув критической отметки, когда Россия приняла лишь 2% иностранных студентов. Если в 1970–1980-х гг. Советский Союз занимал второе место по количеству иностранных слушателей (первое место занимали США), то на сегодняшний день Россия, пытаясь исправить неприемлемую для страны с амбициями сверхдержавы ситуацию, расположилась на девятом месте в мировом рейтинге [8]. Согласно статистическим данным 2005 г. общее количество иностранных студентов в России составило около 61 тыс. чел., из стран ближневосточного региона, в том числе и Персидского залива, образование получали около 8 тыс. студентов [9]. Однако, по данным 2012 г., общее количество указанной категории студентов увеличилось на 5–8% за такой короткий период.

В студенческие годы закладываются определенные ценностные ориентиры и активно формируют-

ся жизненные взгляды, когда «волонтеры» от образования рьяно изучают язык принимающей стороны и с интересом знакомятся с ее культурой, традициями, образом жизни и системой ценностей, указанные процессы происходят непринужденно и естественно, в связи с чем ценность их возрастает. В результате иностранные студенты, получив весомый социальный капитал и жизненный багаж, вернувшись на родину с качественным современным образованием, прогрессивными знаниями, востребованной квалификацией, нужными связями и новыми друзьями, как правило, становятся успешными «промотерами» языка и культуры той страны, где учились. Таким образом, эффективность воздействия на внешний мир посредством национального образования как инструмента «мягкой силы», оказывается гораздо выше, чем с помощью военных или других силовых рычагов управления.

В конце 2012 г. в Общественной палате Российской Федерации прошли слушания о формировании внешнеполитического вектора взаимодействия России с государствами Ближнего Востока в условиях современных реалий. Тематика научной дискуссии («Трансформационные процессы на Ближнем Востоке и Северной Африке и национальные интересы России») красноречиво говорит сама за себя, отражая внешнеполитические устремления официальной Москвы. В рамках круглого стола обсуждался вопрос дальнейшего развития в мире тоталитарных режимов эволюционным или революционным путем, дискутировалась проблематика «цветных революций» 2011–2012 гг. в отдельных странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также состоялась научная полемика вокруг вопроса обеспечения российских интересов в этом регионе. Российская академическая элита признала, что количество государств региона, традиционно принадлежащих к клубу российских партнеров и союзников, сегодня существенно сократилось. Проанализировав неутешительную ситуацию, ученые предложили правительству для восстановления и укрепления российских позиций в регионе сбалансированно и энергично использовать следующие средства «мягкой силы»: непосредственное участие российской стороны в укреплении системы региональной безопасности и активное посредничество в разрешении локальных конфликтов; развитие хозяйственных отношений со странами региона руководствуясь принципом инвестиционного и технологического сотрудничества; налаживание и восстановление гуманитарных контактов с государствами Персидского залива; формирование в регионе лоббистских групп из местных элит, которые поддерживают сближение с Россией; поиск стратегических партнеров из числа третьих государств, например, стран СНГ, заинтересованных в совместных действиях в данном регионе [10, с. 14–15].

Участники круглого стола подчеркнули, что несмотря на богатый опыт Советского Союза в сфере торговли оружием со странами Персидского залива, сегодняшнее руководство России заинтересовано развивать и углублять коммуникации в религиозной сфере, оказывать широкую гуманитарную поддержку, создавать и развивать совместные научные и образовательные проекты. Прежде российское правительство придерживалось сдержанной информационной политики в регионе, при этом критикуя навязанные Западом модели демократии и системы ценностей государствам Персидского залива. Однако сегодня, после активизации в регионе радикально-исламистских сил, продвигающих «шариатскую демократию» как единственно возможную модель государственного устройства, политический истеблишмент России открыто выразил серьезную озабоченность в отношении данной тенденции, опасаясь возможности «экспорта» радикальных взглядов в соответствующие проблемные регионы Российской Федерации.

В современных условиях Кремль не в состоянии на равных конкурировать с Белым домом с позиции качества инструментов и масштабов реализации политики «мягкой силы». Однако, учитывая успешное экономическое развитие России в условиях мирового финансового кризиса, ее стремительный промышленный рост и политическую модернизацию, разумная активность в меру потребности и возможностей в рамках международных институтов, а также региональная привлекательность позволяют реставрировать «мягкую силу» в стратегически важных регионах, в частности, в Персидском заливе.

Международный опыт наглядно демонстрирует нереальность эффективного преодоления глобальных угроз современного мира, в частности терроризма, религиозного экстремизма, распространения ядерного и других видов оружия, при этом используя только определенный политический инструмент, например, исключительно «жесткую» или только «мягкую» силу. В решении глобальных проблем необходимо демонстрировать комплексный подход, используя полный спектр внешнеполитических инструментов. Убедившись в справедливости подобного утверждения, Соединенные Штаты реализуют свою внешнеполитическую стратегию в рамках концепции так называемой умной силы, призванной должным образом и сбалансированно сочетать «жесткую» и «мягкую» силу в рамках эффективной стратегии. Таким образом, «умная сила» — это оптимальное сочетание элементов «жесткой» и «мягкой» силы в системе международных отношений, что предполагает рациональное распределение имеющихся ресурсов в формате двух вышеуказанных категорий с целью гармоничного применения последних для эффективной реализации внешнеполитических задач.

В последнее десятилетие российский политический истеблишмент осознанно, научно-обоснованно и прагматично относится к реализации политики «мягкой силы» с целью продвижения и закрепления своих национальных интересов в Ближневосточном регионе в целом и, в частности, в субрегионе Персидского залива. Ведь широкий перечень внутренних проблем и критическая социально-экономическая ситуация в государстве не позволяли Российской Федерации эффективно осуществлять задачи защиты национальных интересов в отдаленных регионах мира. Впрочем, с переходом на рыночные рельсы и оздоровлением экономики России амбициозная политика международного лидерства команды Путина-Медведева, наполнившаяся прагматичным содержанием, постепенно набирает мощные обороты, все активнее составляя конкуренцию действующему единоличному лидерству США на мировой арене.

Законодательные инициативы, научно-аналитические исследования, а также концептуальные разработки в сфере внешней политики, касающиеся определения постановки и защиты российских интересов в Персидском заливе, заметно активизировались в 2011–2012 гг., что свидетельствует о возрастании значимости этого региона в системе национальных интересов России. Поэтому логично предположить в ближайшей перспективе усиление американо-российской конкуренции в этом регионе. Россия может расширить и укрепить национальные интересы в регионе Персидского залива, используя более разнообразный инструментарий, а именно создание политически привлекательного имиджа России в государствах региона; проявление дипломатического интереса к внутривосточному развитию государств региона; финансово-экономическую и военно-техническую помощь странам; отведение особой роли публичной и образовательной дипломатии.

Библиографический список

1. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — N.Y., 2004.
2. Алиев З. Формирование нового имиджа России «мягкой силой» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2010. — №4.
3. Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2012. — №1.
4. Обзор внешней политики Российской Федерации, 2007 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mid.ru>.
5. Послание Федеральному собранию Российской Федерации, 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. — URL: // <http://президент.рф/transcripts/5979>
6. О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации: Указ Президента от 7 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. — URL: // <http://президент.рф/news/15256>.
7. Корнилов А. А. Дипломатия Президента РФ В. Путина 2012 на Ближнем Востоке: возрастание фактора «мягкой силы» [Электронный ресурс]. — URL: [http://www.bilgesam.org/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=304: diplomatiya-prezidenta-rf-v-putina-2012-g-na-bilizhnem-vostoke-vozhrastanie-faktora-mgyhkoy-siliq-&catid=104: analizler-rusya&Itemid=210](http://www.bilgesam.org/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=304:diplomatiya-prezidenta-rf-v-putina-2012-g-na-bilizhnem-vostoke-vozhrastanie-faktora-mgyhkoy-siliq-&catid=104:analizler-rusya&Itemid=210).
8. Торкунов А. Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России [Электронный ресурс]. — URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1467#top.
9. Численность иностранных студентов, обучавшихся в государственных высших учебных заведениях России (по государственной линии и на контрактной основе; тысяч человек) [Электронный ресурс]. — URL: <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml>.
10. Трансформационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке и национальные интересы России: аналитический доклад. — М., 2012.